

Litera

Правильная ссылка на статью:

Алексеева А.С. — Сисиниева легенда в Codex Sturdzanus: текст и язык // Litera. – 2023. – № 11. DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68979 EDN: ZMSUGI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68979

Сисиниева легенда в Codex Sturdzanus: текст и язык

Алексеева Алина Сергеевна

ORCID: 0000-0001-8584-4613

младший научный сотрудник, ИРЯ РАН

119019, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Волжонка, 18/2

✉ alevtina.sergeevna@gmail.com[Статья из рубрики "Фольклор"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.11.68979

EDN:

ZMSUGI

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2023

Аннотация: В статье представлены результаты изучения двух южнославянских редакций Сисиниевой легенды, Молитвы архангела Михаила и Молитвы св. Сисина, включенных в рукопись, известную под названием Codex Sturdzanus (Библиотека Румынской академии, Ms. rom. 447). Сюжет о сакральном персонаже, защищающем рожениц и младенцев от гибели, становился предметом внимания многих исследователей, однако в настоящей работе впервые предложен полный анализ текстуальных и языковых особенностей Молитвы архангела Михаила и Молитвы св. Сисина в данной рукописи в контексте всей южнославянской традиции Сисиниевой легенды. Особое внимание уделяется грекоязычным молитвам, источникам Молитвы архангела Михаила и Молитвы св. Сисина, что позволяет выявить особенности архетипа перевода и описать работу книжников над редакциями, зафиксированными в Codex Sturdzanus. Применение лингвистического и текстологического методов исследования позволило описать редакторские стратегии книжников и языковые особенности редакций. Автор статьи описывает историю сложения и язык редакций Молитвы архангела Михаила и Молитвы св. Сисина, которые дошли до нашего времени в составе Codex Sturdzanus. Обе редакции можно охарактеризовать как стилистические, а изменения, внесенные редакторами, как расширяющие и уточняющие отдельные элементы сюжета. Комплекс орфографических,

фонетических и морфологических особенностей (рефлексы *ѣ, *ѥ, *dj, отражение перехода *у > [i], написание слоговых плавных, а также склонение существительных и прилагательных), представленных в редакциях Молитвы архангела Михаила и Молитвы св. Сисина в *Codex Sturdzanus*, приводит к выводу, что они составлены на среднеболгарском изводе церковнославянского языка, который использовался в качестве письменного языка в княжествах Валахии, Молдавии и Трансильвании.

Ключевые слова:

Codex Sturdzanus, Сборник попа Драголя, Сисиниева легенда, Молитва архангела Михаила, святой Сисиний, рукописная книжность, лингвотекстология, южнославянский фольклор, апокрифическая молитва, тайнопись

Комплекс сюжетов о сакральном персонаже, борющемся с демоном в женском обличье, — т. н. Сисиниева легенда (далее СЛ) — фиксируется в устных и письменных источниках арамейской, еврейской, коптской, эфиопской, арабской, сирийской, греко-византийской, новогреческой, армянской, южнославянской, румынской и восточнославянской традициях. Исследователи выделяют два сюжетных типа: *Michael-type* и *Sisinnios/Melitene-type* (обозначение Р. Гринфилда [12, с. 83–141]), которые обнаруживаются как вместе, так и по отдельности в культурах разных народов. В Южной Славии отмечаются оба типа, представляющие собой переводы греко-византийских *Michael-type* и *Sisinnios/Melitene-type*, — Т. А. Агапкина, подготовившая наиболее полное исследование этих текстов, называет их *Молитвой архангела Михаила* (ММ) и *Молитвой св. Сисина* (МС) соответственно [1].

Предметом внимания в настоящей статье будут ММ (лл. 57–63) и МС (лл. 123–124об.) в *Codex Sturdzanus*, рукописи из Библиотеки Румынской академии (Ms. rom. 447), большинство изданий которой находится в книгах на румынском языке [16, 11, 14, 15] — счастливым исключением является недавняя работа М. Мазилу и Э. Тимотин в коллективном труде об истории СЛ [5]. Рукопись, как установлено, переписана между 1580 и 1619 гг. священником Григором из Махачени (Трансильвания) и является сборником апокрифических текстов, причем часть из них записана на славянском, другая — на румынском, а третья — на двух языках одновременно. Редакции ММ и МС, рассматриваемые в исследовании Т. А. Агапкиной под сиглами Хаш281 и Хаш284, написаны разными почерками. Первый текст, приведенный с переводом на румынский язык, переписан вместе с Апокалипсисом Павла, Апокалипсисом Богородицы и погребальной проповедью между 1590 и 1602 гг. на севере Хунедояры, а второй, вместе с другими молитвами (в т. ч. с именем Сисина), — еще одним писцом после 10-го мая 1619 г. [13, с. 192, 200].

Ниже будут рассмотрены текстуальные и языковые особенности ММ и МС в *Codex Sturdzanus* на фоне других южнославянских списков и реконструированного нами архетипа, описанию которого будет посвящена отдельная работа. Цитаты из источников приводятся по рукописям; в круглых скобках находятся выносные буквы, в квадратных — восстанавливаемые; для обозначения йотированной буквы «азъ» использовано сочетание *ja*.

1. Молитва архангела Михаила

Сюжет строится вокруг диалога архангела Михаила с южнославянской ведьмой вештицей (см. подробнее в [3, с. 367–368]) и последующего ее наказания за попытки нанести вред роженицам — даже самой Богородице. Вештица, принужденная архангелом Михаилом, приносит клятву не губить женщин и младенцев и раскрывает список своих имен, знание которых позволяет спастись.

Первая правка редактора находится уже в начале текста: он открывается перволичным нарративом, который сменил третьеличный нарратив архетипа. См.: *азъ архаггль мих[аиль] ходи(х) по гор[у] еле[н]ност[и] и [б]р[а]хъ в[ѣ]щицъ имени(м) авизою и реко(х) [еи] ти еси злопле(н) и проклетое в[ѣ]щице [и] на бо б[о]ще простр[ѣ]ла власи[вои] до петѣ* [2, л. 123]. Упомянутая редакция — единственная, сохраняющая во вступлении имя Авизу (греч. *Αβιζοῦ*), в записи которого буквально передан греческий дифтонг *ou*; буква *ѣ* (*вѣщицъ*) появляется на месте диграфа «ук» (*ѣ*) по ошибке. В качестве параллели приведем наиболее близкую редакцию ММ в Сборнике попа Драголя (СПД4; 2 пол. XIII в.): *Азь сисинь сходе [и] си[н]ьски[и] горы. ср[ѣ]тохъ в[ѣ]щицоу. имоущю власы д[о] земле. ичи [и] бѣста игньнѣ. и рѣхъ [и] кто ты [и]си. камо ли идеши ѿ кий ли [и]си страны* [7, л. 59].

Как видно, в Хаш281 не сообщается об огненных глазах вештицы (чтение присутствует в архетипе, куда попадает из греко-византийской версии молитвы), что является ошибкой переписчика или редактора. Описывая волосы вештицы, он заменяет причастную форму *имоущи*, которая является точным переводом греч. причастия *ἰοῦσαν* (ср. с греч.: *Κατερχόμενος Μιχαήλ* [λ] [α] *ἰοῦσαν* *τοῦ* *Σιν* *ἣ* *ρε* *τῆν* *Αβιζοῦ* *ἰοῦσαν* *τῆν* *τρίχα* [ς] *αἰ* *τῆς* *ὡς* *τῆν* *πτερν* *ἰν* *αἰ* *τῆς* *κα* *τοῦ* *αἰ* *τῆς* *πεπυρομένου* *σφόδρ* 'Когда спустился Михаи[л] архангел с [г]оры Синая, повстречал Авизу, у которой воло[сы] были до пят и гла[за] ярко горящие огнем' [10, с. 271–272]), формой плюсквамперфекта, причем от другого, менее частотного глагола *простр[ѣ]ти* 'простереть'. При этом упоминание портретной черты должно предшествовать реплике архангела Михаила, которая занимает не свое положение. Эти слова, как представляется, попали вверх из заклинания архангела (см. далее), чему способствовали введение реплики через глагол говорения *рещи*, наличие личного местоимения и глагола *быти* в форме 2 л. ед. (ср. Хаш281 и СПД4: *реко(х) [еи] ти еси / и рѣхъ [и] кто ты [и]си*) Исходя из сделанных наблюдений, мы предложили бы реконструировать вступление текста редакции следующим образом: *азъ архаггль михаиль ходихъ по гор[у] [и] ле[н]ност[и] и [и]брѣтохъ вѣщицѣ именемъ авизою ина бо б[о]ше прострѣла власы свои до петѣ* <сообщение об огненных глазах> *и рекохъ [и] кѣто ты [и]си*.

В редакции из Хаш281 отсутствует длинный рассказ вештицы об ее вредоносных способностях, что может быть объяснено только порчей текста в протографе: например, выпадением листа, исписанного с двух сторон. В механическом характере лакуны убеждает и разнообразный нарратив: если изначально глагол *рещи* употребляется в форме 1 л. ед. (*рекохъ еи кѣто ты [и]си*), то далее, перед заклинанием архангела, следует форма 3 л. ед. (*и рече ей. архаггль михаи(ль) н[е] и[и] ма(м) поустити. аще ми с[и] не кльне[ши] и повѣж(д)и ми родѣ своемѣ. и име.*), появление которой должно быть мотивировано в упущенном отрывке:

Следующий ниже фрагмент — перечень имен и окончание клятвы: *же ре(ч) емѣ на(ш) род мои(м). а мора. в вѣщица. [а]хоха. д пла(д)ница. е ле(к)та s. члкоу[...]дица з полонощница. и свеве(л)а [и] д[и]и [и] дава[и]ща [и] нерадостна. аї чрън[и...] нигде да не са(м) би(л) кльноутис[и]. архаггль м[и]хаи(ле). идеже стои(т) млтви с[и]е въ домѣ бжю или инѣ и [и] новѣ милѣ[так!] да нигд[е ...] куй ни мора ни вѣщица. ни ди[и]во(л)* Центральный элемент молитвы — клятва престолом Господа и высокой мышцей — отсутствует, что

также объясняется порчей списка. Это предположение подтверждает частица *же* в начале отрывка: в неповрежденном протографе ей должно предшествовать местоимение *она*. Что касается перечня имен, он близок ряду других списков — приведем в качестве примера цитату из НБС454 (перв. четв. XVIII в.): *а име мора в вещица г визѣса д макарила е сијана с евегелоса з наварѣдѣлија и живи гнь гладыница і детодавица аі ѡзима мла(д)еньцемь млеко ві преласни дијаволь* [6, л. 46 об.].

Гарантом защиты дома, согласно рассматриваемой редакции, является нахождение молитвы в его стенах: *идеже стои(т) млтви сїе въ домѣ бжїю или инѣ и новѣ милѣ [так!] да нигд[е ...]куй ни мора ни вѣщица. ни ди(во)л. идеже нбо и землѣ. скончае(т)сѣ* Последующие слова можно посчитать отдельной молитвой, слившейся с ММ — приведем отсутствующий в публикации Б. Хашдеу фрагмент записи: *във [так!] нач(а)ло б(о) слово и слово б(о) ба и бѣ(б) слово се б(о) искони къ боу. и въс(а) т(м)ише и без негоже ни(чи)соже би(с) въ то(м) живо(т) [...]р(а) въ тѣм(а) свѣтис[так!] и тѣма его не (в)е(т) [так!]. [б]ы(с) члкъ посла(н) ба им(а) емоу сь прїидѣ(во) св(ѣ)т(л)ство[так!]. да засвѣ(д)ете(л)ствове(т). ш св[...]. да въси в(р)емѣ им(а)(т). + а се (и)на кто и(х) носи(т) чисто сь собо(м). то да не боитсѣ. б(о)са ни стрѣли. ни ин(а)жи(т) гнь аротир о миа сававѣ [т]еу(с) па(н)дократѣр оузи_ки ш(с) елш(д) //124 об.// гора(х). заблѣди(т). ни въ водѣ ѡгнѣнь] ни злоу сѣмртїю ни оумре(т) ни (т) огнѣ изгори(т) ни нисоже[так!] рану прїиме(т) н[и ко]пї. ни меча ни стрѣли. ни [вѣда] орѣжїа рани не прїиме(т) н(а) въсегда б(о)де(т) въвѣкы ами(н).* Текст начинается с цитаты Ин 1.1–7, которая продолжена списком божественных имен и наименований на греческом и древнееврейском языках: *аротир о миа сававѣ [т]еу(с) па(н)дократѣр оузи_ки (с) елш[ада](и) — протѣр ѡпѣр (ḥbā'wōḏ) [θ]εός παντοκράτωρ οὐσῶν καὶ παντοκράτωρ (ēl š[ada]y) 'Отец мой Саваоф Бог Вседержитель Сущий и Всемогуший'.* Представляется, что выбор цитаты из первой главы Евангелия от Иоанна обусловлен тем, что в ней упоминается *и м я* самого евангелиста, а присоединению краткой молитвы к ММ способствовали прагматика (оберег) и сходная модель защиты (перечень имен).

Язык редакции по списку Хаш281 отличается следующими особенностями. Орфография двуеровая (*ь* появляется преимущественно на конце слов, а *ъ* в середине, исключая написания предлогов *въ* и *съ*) и двуюсовая, причем для обозначения [ja] используется не только *ја* (*оузија* 'Сущий'), но и *ѣ* (*диаво(л)*). Можно отметить черты, характерные для южнославянских (1) и южно- и восточнославянских (2) языков:

1) переходы **ę* > [e] (*проклетое, до петѣ*) и [y] > [i] (*ти, рани* 'раны', *би(с)*), смешение *о* / *у* (*засвѣ(д)ете(л)ствове(т), полоношница* в последнем примере также возможно написание второго *о* под влиянием соседних слогов), запись слогового плавного *t[r]t* (*чръни[...]*) и отсутствие йотации (*орѣжїа*),

2) переход **ǫ* > [u] (*вѣрѣ*).

Написание *имени(м)*, как кажется, отражает редукцию заударного гласного, что наблюдается в румынском языке. Извод церковнославянского языка можно описать как среднеболгарский, что соответствует языковой ситуации княжеств Валахии, Молдавии и Трансильвании (подробнее см. в работе [4]).

2. Молитва св. Сисина

В архетипе перевода МС три брата-воина, святые Сисин, Синадор и Феодор, отправляются к сестре Мелентии, чтобы спасти ее новорожденного ребенка от дьявола. Однако он, обернувшись зернышком под копытом лошади, проникает в дом и похищает

дита, что вынуждает братьев отправиться на их поиск. Встреченные братьями деревья либо сбивают их с пути, либо помогают найти дьявола, который обещает вернуть детей, если воины выблуют материнское молоко. Помолившись Богу, братья исполняют требуемое — дьявол возвращает детей и приносит клятву не вредить людям, в состав которой входят имена самого дьявола.

Список Хаш284 содержит вариант редакции, второй список (с некоторыми отличиями) которой находится в Сборнике попа Драголя (СПД1). Главной инновацией редакции является сокращение числа героев до одного — св. Сисина, — что отражено уже в заглавии: *млтва стго сїсина □ диавола проклета* (Хаш284) и *млитвы стго си[сина] □ зла дїа* (СПД1). Оба списка по сравнению с предшествующим этапом редактирования также объединяют три других подновления: а) слова ангела распространяются фразой 'чтобы через тебя Господь изгнал дьявола' (фраза дублируется, когда Сисин убеждает сестру открыть ворота), б) информация о приготовлении ужина отсекается, в) дьявол сразу, едва войдя в дом, убегает с ребенком. Ниже мы рассмотрим особенности варианта редакции в Хаш284 по сравнению с архетипом редакции и другим ее вариантом — СПД1.

Составитель варианта Хаш284 добавляет, что Сисин, возвратившись в Аравию с востока, возносит молитву Господу, а ангел является ему во сне (не на охоте, как в СПД1): *ег(д)а млтвѣ твораше възвратись сти сїсинь □ въстока въ равїю. и прїиде къ нем(ѣ) агїль. г(с)пдїнь въ снѣ*. Сообщая о Мелентии, книжник отсекает информацию о ее житье на площади, где продается медь, а сама женщина названа Мелентиной: *мели(н)тїна же сестра сво(а) [вм. твоа — А. А.] роди [доб. по ошибке — А. А.] сътвори стлїѣ. мраморень. и заковала гв(о)здїемь. и □ловомъ зилиїана [вм. залиїала]. пое(т) .в. □троковице на слѣ(ж)бѣ себе бра(ш)но за летъ*. Сближение имени с его греч. вариантом (*Μελετινῆ*) вторично, т. к. Хаш284 отстоит от архетипа, а других следов привлечения иноязычной версии при редактировании молитвы нет.

Сестра не открывает Сисину ворота, ссылаясь на подстерегающую ее опасность: *□на (ж) ре(ч) не сме□ю[так!] ти □врѣсти. јако(ж) бо□се врага вараха* (в румынской версии эквивалентом чтения *вараха* является *dracul* 'дьявол'). На наш взгляд, *вараха* — это записанное тайнописью слово *сатана*. Подобную систему записи с видоизменением букв, используемую протопсалтом из румынского Путненского монастыря Евстафием (ок. 1511 г.), описывает М. Н. Сперанский [9, с. 11–14]. Ниже представляем образцы начертания букв *с*, *а*, *т*, *н* из издания (Рис. 1). Как видно, первая и третья соответствуют начертаниям из последнего столбца, напоминающим буквы *в* и *р*, в то время как *а* из первой и второй системы походит на обычное кириллическое *а*. Начертание буквы *н*, которое можно было бы спутать с *х*, — находится в последнем столбце: она менее всего похожа на самостоятельную кириллическую букву, поэтому желание «достроить» ее понятно — достаточно лишь провести еще одну диагональ для того, чтобы получилась буква *х*. Смешение нескольких систем, по словам М. Н. Сперанского, Евстафий действительно употреблял в своих записях — правда, никогда в рамках одного слова, но тайное написание в Хаш284 может быть исключением из правил. Подчеркнем, что речь идет только об использовании типа тайнописи — нет достоверных данных за то, чтобы признать составление варианта редакции с личностью Евстафия.

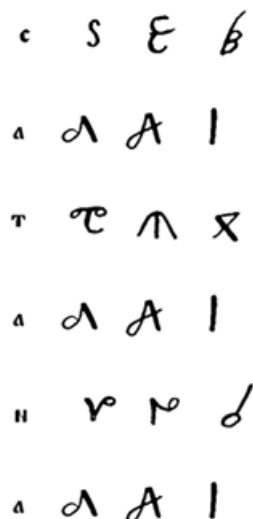

Рис. 1

Указание на зиму и бурю в качестве аргумента отворить дверь перемещается из первой реплики Сисина во вторую (□тврѣзи ми стлѣпъ да вѣнидѣ ја(к) велѣа е(с) вѣнѣ зима. и велѣа вѣалица. не(с) главѣ по(д)клонити), делая эту просьбу более настойчивой. В архетипе перевода после бегства дьявола Сисин с братьями берет в руки оружие и садится на выдыхающего пламя коня, который воплощает связь человека со сверхъестественным миром [8, с. 590–594] — ввиду того, что переводчик снимает указание на маршрут (в греч. — Ливанские горы), можно предположить, что дьявол уводит воина за собой на другой свет. В Хаш284 этот образ подвергается еще одной трансформации: конь не только дышит пламенем, а весь является огненным, как и копье, взятое в руки воином (поте(ч) въ сле(д) дѣволѣ то(г). ко(н) же е(г) пламено(м) диха(ш) имееи въ рѣка(х) пламено копѣе). Сисин намеренно гонит к вербе, а маслина, как уточняет редактор, стоит у моря (виде маслинѣ прѣ мора стоеща) — благодарность дереву заключает в себе лишь пожелание использоваться в церкви (да и си бл(с)венно и □сщен□но древо бжїи маслин(ѣ). и бѣ(де)ши въсе(м) црква(м) на просщенїе. (а) члко(м) на спсенїе), в то время как в архетипе перевода и части списков герой пророчит маслине плодovitость. Далее, мотив превращения в рыбу в списке отсутствует — его заменяет фраза о погружении в море, которая содержит сербизм *поринутиса* 'погрузиться' (въ морю по(ри)ношасе).

Вытащив дьявола на берег при помощи сети и удочки, Сисин бьет его 72 палицами: *прїиде къ м(о)рю и вѣрже ѡн□дицѣ свою въ море. извлече(ч) мреж□ вра(г) на сѣхо. и наче(т) его ѡбити .□в. пали(ц)ю железною* В православии и народной культуре это число не имеет символического значения (если речь не идет о переводе Септуагинты, что скорее всего было неизвестно писцу), поэтому можно предположить, что книжник использовал цифру, обозначающую лишь множественность. Воин уточняет, что дьявол должен изблевать 6 детей Мелентии, чье имя снова изменяется по сравнению с протографом: теперь она названа Мелинтианой и Мелинтиянией (*да(ж)дѣ ми .s. дети мѣли(н)їїани сестре мои... тог(д)а д(ї)аволь изблюва .s. дѣти мели(н)їїанїи*).

Порядок реплик в диалоге Сисина и дьявола соответствует предшествующему этапу редактирования, но в конце разговора слова 'поклонись, дьявол!' и его клятва дублируются: *и ре(ч) и(м) сиси(н). живѣ гѣ бѣ на(ш) нб(с)ы и на земле. не има(м) и пѣстити дѣяволе докле ми съ не кльниши. и начетъ дијаво(л) клети(с). тако ми си(л) страшнаго пр(с)тола. идеже млтѣа сїїја [так!] глетс□ им(е) мое въспоминанїе те ѣ дѣаволь не настигне(т). живѣ гѣ бѣ нашѣ нб(с)ни и на земле. не има(м) те(б) пѣстити*

дѣволе. аще не кльни(ш) ми съ. и наче(т) дѣвольтъ съ слъсами клети (с). тако (ми) си(л) страшнаго прѣстола и мищца висока(го). и чи(с)таго по(р)фѣра ꙗсьнеиши прѣч(с)ти[его врь(х). и си(л) т(х) .м. поповь иже ꙗбстоить вишни ѿеросали(м). и млтѣ твори(т) днь и но(щ). иде(ж) млтва сѣа глѣце име твое въ(с)поминаніе те. стое ти никоторѣи дѣвольтъ не настгн(т). ни къ дѣмѣ [так!] бж[г]ю. м(р). Наконец, Сисин отправляет дьявола во мрак, что является инновацией Хаш284: аѣе посла его по(д) мрако(м). а з(д)е славитсѣ име щѣа и сѣа. и стго дѣа и ннѣ [так!] и пр(с)но и въ веки веко(м) ами(н).

Отдельный интерес представляют языковые особенности Хаш284. Орфография — двуеровая и двуюсовая. Редуцированные употребляются в соответствии с этимологией (въстока, съса(л), въ съне), смешиваются (въсхити, вънидѣ, воинь), утрачиваются в слабой позиции (страшнаго) или появляются в неэтимологической позиции в окончании возвратного местоимения себе (възвратись, съ 'себя'). Что касается юсов, в рукописи отмечены несколько примеров этимологического употребления (б(д)ть, на (д)лан, глѣтсѣ) и их мены (на (д)лан, боꙗсѣюсь), а также написания с ж на месте [е] < *ѣ (тж(х) 'тех'). В некоторых написаниях обнаруживается отсутствие йотации: велѣа, твораше, зб(л)ѣва (но есть изблюва).

Можно отметить рефлексy, характерные для южнославянских (1) и южно- и восточнославянского языков (2). Также присутствует написание ц на месте *tj (3), что может быть польским рефлексом или, что более вероятно, опиской, т. к. написание ц и щ различаются лишь одной чертой:

1) *ѣ > [e] (стоеща, проклета), *у > [i] (мищца, би(с)), но есть и написание, сохраняющее этимологический гласный — бы(с), написание слоговых плавных (стлѣпѣ, врьже, прѣво, врь(х)), *tj > [št] (хоще(т), просѣненіе), *dj > [žd] (да(ж)дѣ),

2) *q > [y] (млѣвѣ), *ѣ > [e] (цвете(ш), бежеща; один раз на месте *ѣ отмечается буква ѣ (въалица), которая могла появиться из-за неверного прочтения ѣ в протографе),

3) *tj (глѣце).

В области грамматики следует отметить употребление Р. п. и В. п. (одуш.) с окончанием -у (-ю) (по(д) копито(м) коню, ꙗтроѣ носеща), а также Р. ед. с окончанием -а (прѣ мора). Отмечаются сербизмы в области морфологии — окончания сущ. *а-скл.: -и в Д. п. (къ сестри) и -е в Р. ед. (сестре), а также флексия -омъ у сущ. бывшего консонантного типа в Т. ед. (пламено(м)). Форма имени женщины (иди сисине къ сестри свое мелинꙗтию), напротив, отражает распад склонения существительных — аналогичный процесс затрагивает местоименное склонение (дети мѣли(н)їани сестре мои).

Лексемы мышца и порфира меняют род на мужской, что также связано с изменениями в именном склонении: тако (ми) си(л) страшнаго прѣстола и мищца висока(го). и чи(с)таго по(р)фѣра. В двух случаях появляется написание те, напоминающее болгарский артикль мн. ч.: им(е) мое въсꙗпоминаніе те, име твое въ(с)поминаніе те. Обращает на себя внимание расположение энклитик, характерное для сербского и болгарского языков: докле ми съ не кльниши (союз встречается и в болгарском, и в сербском языке), аще не кльни(ш) ми съ. Что касается лексики, можно отметить сербизмы подмицати се 'подкладываться, подсовываться' (дѣаво(л) же по(д)миче(с) [буква е испр. из и — А. А.] просеною лоспою по(д) копито(м) коню сисина) и поринутисѣ 'погрузиться' (въ морю по(ри)ношасе) и болгаризмы лоспа (ср. с совр. люспа 'шелуха') и ундица (врьже ѣнꙗдицѣ свою въ море).

Таким образом, в Хаш284 отражаются фонетические и грамматические черты,

характерные для среднеболгарского, сербского и, вероятно, польского изводов церковнославянского языка.

3. Выводы

Рукопись *Codex Sturdzanus* подтверждает, что к рубежу XVI/XVII вв. Сисиниева легенда достигает княжеств Валахии, Молдавии и Трансильвании в двух сюжетных типах. Источник фиксирует единственный список редакции ММ и один из вариантов МС, сопровождаемый параллельным переводом на румынский язык, изучение которого было проведено М. Мазилу и Э. Тимотин [\[13, с. 509–513\]](#). Обе славянские редакции, как показало исследование, являются стилистическими, а язык молитв можно описать как среднеболгарский извод церковнославянского, используемый в румыноязычной среде как письменный язык. Однако ММ — возможно, в силу фрагментарности текста — содержит меньше региональных черт, чем МС.

Библиография

1. Агапкина Т. А. Сисиниева молитва у южных славян // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. Под ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2017. С. 429–443.
2. Библиотека Румынской академии, Ms. rom. 447. XVI–XVII вв. 124 л.
3. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Вещица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 367–368.
4. Джамо Л., Стойкович О., Осман М., Линца Е., Миту М. Характерни черти на книжнославянски език румънска редакция (XIV–XVI в.) // *Romanoslavica*. 1963. №9. С. 109–161.
5. Мазилу М., Тимотин Э. Легенда о святом Сисинии в румынской традиции // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. Под ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2017. С. 507–552.
6. Национальная библиотека Сербии, №454. Перв. четв. XVIII в. 83 л.
7. Национальная библиотека Сербии, № 651. Втор. пол. XIII в. 272 л.
8. Петрухин В. Я. Конь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 590–594.
9. Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1929. 165 с.
10. Чёха О. В. Сисиниева молитва в византийской традиции // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. Под ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2017. С. 242–304.
11. Chivu G. *Codex Sturdzanus, studiu filologic, studiu lingvistic, ediție de text și indice de cuvinte*. București: Editura Academiei Române, 1993, 522 p.
12. Greenfield R. Saint Sisinnios, the Archangel Michael and the Female Demon Gylou: The Typology of the Greek Literary Stories, in: *Byzantina*, 1989, Vol. 15, pp. 83–141.
13. Mazilu M., Timotin E. The Romanian Tradition of The Sisinnios Legend (the 16th–19th centuries): Typology and Manuscript Variation, in: *Revista de etnografie și folclor*. № 1–2, 2018, pp. 190–218.
14. Mareș A. Datarea unor texte din Codicele Sturdzan, in: *Limba română*, 1985, No 34., pp. 46–52.
15. Mareș A. *Crestomația limbii române vechi*. Vol. I. 1521–1639. București: Editura

Academiei Române, 1994, 246 p.

16. Petriceicu-Hășdeu B. Cărțile poporane ale Românilor în secolul XVI în legătură cu literatură populară cea nescrisă. București: Noua Tipografie Națională C. N. Rădulescu, 1879, 766 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Сисиниева легенда в Codex Sturdzanus: текст и язык», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению текстуальных и языковых особенностей Молитвы архангела Михаила (ММ) и Молитвы св. Сисина (МС) в Codex Sturdzanus на фоне других южнославянских списков и реконструированного автором архетипа.

Автор обращается к комплексу сюжетов о сакральном персонаже, борющемся с демоном в женском обличье, — т. н. Сисиниева легенда — фиксируется в устных и письменных источниках арамейской, еврейской, коптской, эфиопской, арабской, сирийской, греко-византийской, новогреческой, армянской, южнославянской, румынской и восточнославянской традициях.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к сравнительно-историческому методу, методу обобщения и методу семантического анализа.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Предметом внимания в настоящей статье будут ММ (лл. 57–63) и МС (лл. 123–124об.) в Codex Sturdzanus, рукописи из Библиотеки Румынской академии (Ms. rom. 447).

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонів научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены работы на русском и иностранных языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по истории языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным

связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Сисиниева легенда в Codex Sturdzanus: текст и язык» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.